

—

На следующий день Хо Шу, как обычно, встал рано, открыл наполовину окно, и ветер принес влажный запах османтуса.

Он высунул голову и посмотрел в окно. Туман был густым, и он не мог четко разглядеть двор и все, что в нем находилось.

В это время года уже чувствовалась прохлада, но привыкшему к резким перепадам температуры на севере, этот легкий холод ничего не значил.

Быстро позавтракав, Хо Шу вывел лошадь. У дверей уже стояла запряженная ослом телега.

Округлая фигурка держалась за поручень телеги и пыталась забраться в нее с помощью своих маленьких ног. С трудом вскарабкавшись несколько раз, он, вспотевший от усилий, наконец забрался внутрь.

Несмотря на все усилия, он даже не подумал подставить себе маленькую табуретку.

Человек был закутан еще плотнее, чем накануне вечером, и выглядел еще более объемным.

В осенний день это действительно выделялось.

Хо Шу нечасто смеялся, но не удержался и наклонил голову, потрогав свой высокий холодный кончик носа.

Хуан Иньшэн, находившийся впереди, проверил поводья и, обернувшись, сказал Хо Шу: «Господин Хо, поехали».

Хо Шу опустил руку, слегка кивнул и тут же вскочил на лошадь.

Утренний осенний ветерок дул плавно, заставляя занавески телеги шелестеть и время от времени развеиваться.

Ослиная телега семьи Хуан была довольно старой, починенной-перечиненной, она уже не была такой удобной, как вначале.

Цзи Таоюй, сидевший, свернувшись калачиком в телеге, сначала немного чувствовал жар, но после пары порывов ветра снова похолодел. Он протянул руку, чтобы придержать занавеску,

чтобы ветер больше не задувал.

Его тело прижалось к окну телеги, и краем глаза он увидел за полуоткрытым окном на ветру круглую и сильную заднюю часть лошади, а длинный и гладкий конский хвост неторопливо покачивался, когда она шла.

Цзи Таоюй на мгновение застыл. Он редко видел лошадей; в сельской местности, даже если и был скот для помощи в работе на полях, это были в основном быки, ослы и мулы, чистокровные лошади были только у знати в городе.

Его здоровье было плохим, и когда он бывал в городе, то в основном оставался в медицинской лавке, помогая дедушке собирать травы. Даже если он видел лошадей, то только издалека, редко имея возможность так близко подойти.

Эта черная лошадь была сильной и красивой, действительно прекрасной. Он чувствовал, что лошадь так близко кажется живой, словно от нее исходит тепло, и его сердце забилося быстрее.

«Хочешь прокатиться?»

Цзи Таоюй услышал голос и внезапно поднял глаза. Его спаситель сидел прямо на спине лошади, его устрашающие глаза неизвестно когда посмотрели на него.

Таоюй втянул шею и поспешно покачал головой.

Он даже не осмеливался ездить на осле или быке, когда был маленьким, отец посадил его на спину быка, и он так испугался, что заплакал, и мать долго его ругала. Разве осмелится он сесть на лошадь, которая выглядела такой необузданной?

Хо Шу увидел, что цвет лица маленького юноши, скрытый в плаще, в основном вернулся к нормальному, но выглядел он неважно, словно лепесток груши, выцветший и полупрозрачный от долгого пребывания под дождем.

Пара невинных глаз смотрела на него, и он без конца качал головой. Треугольный капюшон покрывал его, и он выглядел как шевелящийся цзунцзы.

Он ничего не сказал, повернулся и продолжил медленно вести лошадь шагом, но поводья, висевшие в его руке, натянулись, и шаг вороного коня замедлился.

Зад лошади у занавески телеги вдруг превратился в крепкий, как железо, бок. Цзи Таоюй, увидев это, поджал губы, сначала отвел глаза, а затем молча опустил занавеску.

Хо Шу заметил плотно закрытую занавеску, разделявшую их, и его брови незаметно дрогнули.

Цзи Таоюй сидел, прижавшись к телеге, обнимая маленькую подушку, набитую обрезками ткани. Плечо его как раз прижимало занавеску, чтобы она не развевалась.

Ослиная телега тряслась, и он подумал, что неплохо бы еще поспать. Вчера вечером было холодно, у него был легкий озноб, и он плохо спал. Хуан Ци заботился о нем всю ночь.

Он подремал немного, опираясь на подушку, но снова не смог заснуть.

В телеге было душно, чем дальше он там оставался, тем больше он задыхался от собственного дыхания. В конце концов, он снова немного приоткрыл занавеску.

Однако человек на лошади все еще был виден за окном.

Вспоминая, как он встретил этого человека на большой дороге, Цзи Таоюй из любопытства тихо пробормотал: «Храбрый человек с севера?»

Хо Шу проезжал мимо, осматривая пейзажи Тунчжоу. Среди криков продавцов у многочисленных утренних прилавков с едой он услышал рядом тихий, явно отличающийся от их грубых голосов, мягкий звук.

Но он не повернул головы и не скосил глаза.

«Да».

Глаза Цзи Таоюя приподнялись, он немного удивился, что его голос был таким тихим, но в шуме он услышал его. Но в то же время он был таким холодным и торжественным.

«Я слышал от дедушки, что доблестный господин ищет человека. На этот раз вы специально приехали на юг, чтобы найти его?»

«Никогда не был на юге, заодно и посмотрю».

«В Тунчжоу много вкусной еды и развлечений, доблестный господин, когда найдете человека, можете хорошо прогуляться».

«Да».

Опять.

Цзи Таоюй моргнул, глядя на мужчину, который даже не повернул головы. Ему было немного любопытно, кого он ищет. Раз он из их деревни, возможно, он даже знает кое-что.

Но, видя, что он, кажется, не очень любит разговаривать, он решил не лезть с вопросами.

Но он также не знал, рассердил ли он человека вчера, может он до сих пор злился.

Цзи Таоюй немного поколебался и тихо сказал: «Меня зовут Цзи Таоюй».

Хо Шу, услышав это, вдруг повернул голову. Их глаза встретились, и у Цзи Таоюя перехватило дыхание. Он поспешно прикрыл лицо маленькой подушкой и откинулся назад в телегу.

Но на этот раз он не закрыл занавеску.

Губы Хо Шу слегка дрогнули, но, увидев, что телега уже выехала из города, и городской шум больше не доносился до его ушей.

Он взглянул на Хуан Иньшэна, правившего ослом впереди, и в конце концов больше ничего не сказал.

Хотя ослиная телега не такая быстрая, как скачущая лошадь, пешком до деревни Минсюнь всего чуть больше часа, а на телеге еще быстрее, всего около получаса.

Свернув с большой дороги, они быстро въехали в деревню. В это время года в деревне еще убирали осенний урожай. Когда телега въехала в деревню, утренний туман полностью рассеялся, и обзор сразу стал намного лучше.

Однако скорость ослиной телеги после въезда в деревню стала очень низкой. Дело не в том, что дорога в деревне была узкой и крутой, на самом деле, наоборот, дороги в деревне были довольно широкими и ездить по ним было не хуже, чем по большой дороге.

Просто много сельчан выходили, чтобы поздороваться.

«Доктор Хуан так рано приехал в деревню».

«Лекарство, которое вы мне дали в прошлый раз, действительно помогло, после его приема моим ногам стало намного легче».

«Доктор Хуан, вы еще принимаете годжи...»

Вежливость сельчан полностью отразилась в глазах Хо Шу. Хотя он не изменил выражения

лица, никто не осмеливался прямо смотреть на него.

Напротив, после обмена приветствиями с Хуан Иньшэном, когда телега и лошадь удалились, они выпрямились и смотрели вслед Хо Шу, и только когда он был в нескольких чжанах от них, они отвели взгляды.

[*Чжан — китайская мера длины = 100 цуней (около 3 м)]

К тому времени, как они добрались до дома семьи Цзи, солнце уже поднялось высоко.

Хо Шу подождал, пока ослиная телега въедет в высокие ворота, открытые посередине, и сам слез с лошади, ожидая позади.

Он поднял глаза и осмотрел жилище старосты деревни Минсюнь.

Дом семьи Цзи был типичной планировкой «двор впереди, дом сзади», но двор был обнесен каменной стеной, издали видно было, что она гораздо величественнее и прочнее обычных деревянных или глиняных стен.

Войдя во двор, попадаешь в просторный крестьянский двор. В саду стояли два высоких камфорных дерева, толщина стволов которых приближалась к толщине пояса взрослого человека, видимо, они были довольно старыми.

Под камфорными деревьями был сделан навес из грубой мешковины, там стоял квадратный стол и стулья, явно место для отдыха в тени.

А на востоке, где не было тени камфорных деревьев, осеннее солнце падало на землю, идеально подходя для сушки зерна, овощей и лекарственных трав.

Посредине проходила прямая дорожка из гравия и сразу был виден дом, покрытый черной черепицей.

Дома в округе Цзяннань отличаются от домов с внутренним двором на севере; В доме семьи Цзи есть внутренний двор, похожий на те, что есть в городе.

Через главную дверь сначала попадаешь в квадратный дворик, не обязательно со всех четырех сторон были комнаты, но он всегда был обнесен со всех четырех сторон, образуя внутренний двор.

В дождливые дни дождевая вода стекала с крыш со всех сторон, образуя струи, которые одновременно текли в внутренний двор, создавая картину «четыре воды возвращаются в зал»*.

*[Четыре воды, возвращающиеся в зал (四水归堂, sìshuǐ guī táng): традиционный китайский архитектурный дизайн, в котором четыре скатных внутрь карниза крыши отводят дождевую воду в центральный двор, символизируя накопление богатства и единство семьи в соответствии с конфуцианскими идеалами гармонии с природой.]

На юге много дождей, и для удобства проживания такие постройки были обычным явлением.

Однако в деревнях только знатные и уважаемые семьи могли позволить себе построить такой внутренний двор с «четырьмя водами, возвращающимися в зал», не все семьи могли это сделать.

Минсюнь был не маленькой деревней, в ней было много людей.

Хо Шу, ехавший верхом на высокой лошади, видел много крестьянских домов. Хотя он и не заходил внутрь, но по одним лишь плетеным заборам, дворам и размерам домов редко кто мог сравниться с семьей Цзи.

Впрочем, это было и ожидаемо. Медицинская лавка Хуан Иньшэна в Тунчжоу, где земля была на вес золота, была довольно приличной, а видя, каким красивым и утонченным был маленький гер, его мать, вероятно, тоже была не простолюдинкой.

Таким образом, зять, которого выбрал Хуан Иньшэн, конечно, не мог быть слишком плохим.

Город Тунчжоу славился своими учеными и литераторами, его правила и обычаи были намного строже, чем на севере.

Тот, кто мог стать старостой в этой деревне, определенно принадлежал к местному большому роду с давними корнями. Иначе ему было бы трудно руководить крестьянами, и у него не хватило бы образования и способностей для общения с чиновниками.

«Отец приехал».

Женщина, занятая на кухне, услышала звук колес телеги, поспешно бросила работу и вышла, увидев человека, позвала.

Хуан Маньцзин вытерла руки о фартук на талии и подошла к телеге: «Где Сяо Таоцзы*?»

[*小桃, Xiǎo táozi – маленький персик]

Едва она закончила говорить, как Цзи Таоюй высунул голову из телеги: «Мама».

Хуан Маньцзин только взглянула на Таоюя, и ее брови тут же сдвинулись: «Что случилось? Простыл вчера?»

Говоря, она уже приложила руку ко лбу Таоюя.

«Он был в медицинской лавке, как он мог простудиться?»

Услышав звуки во дворе, из дома вышел мужчина средних лет. Черты лица Цзи Таоюя были немного похожи на его, кто это был, не нужно было и говорить.

«Спасибо тестю, что лично проводили его обратно».

Цзи Янцзун поприветствовал Хуан Иньшэна, но прежде чем успел подойти и посмотреть на Таоюя, его пронизательный взгляд сначала заметил Хо Шу, стоявшего за телегой, высокого и широкоплечего, с недобрый выражением лица.

Он подошел на несколько шагов, сначала вежливо поклонился ему, а затем, наклонив голову, спросил у Хуан Иньшэна: «Это кто?»

«Это спаситель жизни Таоюя, Маньцзин, принеси чаю, попроси гостя присесть».

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин, услышав это, напряглись. Они обменялись взглядами, затем Хуан Маньцзин первой ответила Хуан Иньшэну, быстро уведя Таоюя в сторону кухни.

Хотя он не знал всей сути дела, услышав слова Хуан Иньшэна, Цзи Янцзун стал еще более вежливым с Хо Шу и поспешно провел его в дом.

Хо Шу мало что говорил, зато Хуан Иньшэн подробно рассказал супругам о произошедшем.

«Я боялся, что вы будете волноваться, а передавать сообщение через кого-то ненадежно, поэтому сегодня я привез его обратно».

Хуан Маньцзин слушала с замиранием сердца: «Как он мог упасть в воду? Он ведь обычно не такой беспокойный».

«Я не должен был разрешать ему идти в город смотреть список, на осенних экзаменах всегда много народу и суеты».

Цзи Янцзун с сожалением хлопнул себя по бедру. Тело у гера было слабым, и он даже не мог представить, как он выжил в воде.

В семье был только один ребенок, и если бы с ним что-то случилось, это просто убило бы их обоих.

Пожаловавшись немного, Цзи Янцзун поспешно встал из-за стола. Он потянул Хуан Маньцзин и низко поклонился Хо Шу: «Спасибо вам, доблестный господин, за спасение моего ребенка. Я действительно не знаю, как отблагодарить вас за ваш благородный поступок».

Хо Шу отмахнулся, повторив, что это была просто случайно оказанная помощь.

Цзи Янцзун, видя, что Хо Шу явно не любит пустые любезности, больше не стал говорить высокопарных слов и повернулся к жене:

«В полдень зарежем двух домашних птиц, я позову Даниу пораньше, чтобы он помог тебе, нужно хорошо принять господина Хо».

Хотя Хо Шу считал домашнюю кухню Цзяннаня вкусной, он не забыл о своих важных делах. Поскольку он уже приехал в деревню, эту еду можно было съесть в любое время, но если бы он смог получить информацию о поиске человека пораньше, это исполнило бы его желание.

«Я приехал сюда в деревню не для того, чтобы староста благодарил меня, а с просьбой».

«Могу ли я спросить старосту, есть ли в деревне человек по имени Чжао Чансуй, ему около двадцати с небольшим лет, и где сейчас находятся его родственники?»

—

<http://bllate.org/book/14480/1281165>